

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра предпринимательского права

Курсовая работа по теме:
**«Теневые директора» в российском корпоративном праве:
понятие и ответственность»**

Выполнила: студентка 3 курса
дневного отделения 302 группы
Мальченкова Юлия Александровна

Научный руководитель:
д.ю.н., профессор
Шиткина Ирина Сергеевна

Дата представления курсовой работы в учебный отдел:

«__» _____ 201__ г.

Дата сдачи научному руководителю: «__» _____ 201__ г.

Дата защиты курсовой работы: «__» _____ 201__ г.

Оценка: _____

Москва

2020 г.

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1 «Теневые директора» в зарубежном правопорядке (на примере Великобритании)	5
1.1 Понятие «теневых директоров»	5
1.2 Ответственность «теневых директоров»	9
Глава 2 «Теневые директора» в российском корпоративном праве	12
2.1. Понятие «теневых директоров»	12
2.2. Ответственность «теневых директоров» в российском корпоративном праве	21
Заключение	28
Библиография	30

Введение

«Теневые директора» - понятие, которое не найти в современном отечественном законодательстве. Однако в доктрине в последнее время всё чаще и чаще можно встретить упоминание о нём: в частности, в работах, посвященных корпоративному праву, трудовому праву и правовому регулированию в сфере банкротства. В самом широком смысле под «теневым директором» следует понимать лицо, которое осуществляет управление юридическим лицом в отсутствие на то формально-юридических оснований, то есть тайно. Мотивы таких лиц могут быть самыми разными: как правомерными (например, в целях построения крупной холдинговой структуры), так и незаконными (например, в целях ухода от ответственности или в обход установленных законом запретов на осуществление предпринимательской деятельности). В любом случае, такая деятельность не является заведомо противоправной. Такой она становится только в случае, когда деятельность такого «теневого директора» приводит к неблагоприятным последствиям как для самого общества, так и для его учредителей (участников). В целях реализации принципа справедливости, в таком случае такое лицо не должно уйти от ответственности за свои противоправные действия.

Целью настоящей работы является анализ понятия «теневого директор» и его признаков, а также ответственности таких лиц. В связи с тем, что впервые данное понятие появилось в англосаксонском праве, преимущественно в Великобритании, целесообразным представляется начать исследование данного понятия именно в этой правовой системе. Затем, в связи с тем, что в отечественном законодательстве данный термин отсутствует, задачей настоящего исследования является определить аналог данного института именно в российском корпоративном праве, а также рассмотреть вопросы ответственности, непосредственно с ним связанные.

Актуальность данной работы весьма очевидна. В отечественной практике в геометрической прогрессии увеличивается количество дел по привлечению к

ответственности директоров компаний. Сложность гражданского оборота и развитие форм предпринимательского взаимодействия позволяют участникам оборота использовать всё новые и новые механизмы управления корпорациями. Усиление государственного контроля вынудило многих участников гражданского оборота осуществлять управление скрытно. В связи с данной тенденцией представляется необходимым анализ регулирования деятельности и, самое главное, ответственности таких лиц, целью которых является тайное осуществление своей деятельности.

Глава 1 «Теневые директора» в зарубежном правопорядке (на примере Великобритании)

1.1 Понятие «теневых директоров»

Как уже было обозначено выше, анализ понятия «теневых директоров» представляется разумным вначале проводить в рамках того правопорядка, в котором данная концепция появилось и где за всё время ее существования уже накопилась достаточно обширная теоретическая и практическая база: а именно в англосаксонском праве, где впервые и было сформулировано понятие теневого директора (shadow director).

Прежде чем анализировать статус теневого директора, рассмотрим все виды директоров, которые выделяются в английском корпоративном праве. Так, английскими судами выделяется 3 категории лиц, управляющих компанией и имеющих статус директора:

- юридические директора (de jure directors);
- фактические директора (de facto directors);
- теневые директора (shadow directors).

Де-юре директора - директора компании, которые были надлежащим образом избраны или назначены на должность. Такие директора несут весь спектр обязанностей¹, в том числе и фидуциарных.

Де-факто директора - директора, которые осуществляют управление компанией, не будучи при этом официально назначенными (избранными). Это возможно, например, в случае неправомерности процедуры назначения.² У таких директоров отсутствуют полномочия по управлению делами компании, однако за свои действия в отношении компании и в отношениях с третьими лицами они несут такой же объём ответственности, что и де-юре директора. При определении лица в качестве де-факто директора, судам необходимо учитывать все обстоятельства

¹ В соответствии с §171-177 Company Act 2006 обязанности директора: 1) действовать в пределах своих полномочий; 2) способствовать успеху компании; 3) руководствоваться своим независимым суждением; 4) проявлять разумную заботливость, умение и усердие (reasonable care, skill and diligence); 5) избегать конфликта интересов; 6) не принимать выгод от третьих лиц; 7) декларировать свою заинтересованность в предлагаемых сделках.

² Re Hydrodam (Corby) Ltd [1994] BCC 161.

каждого конкретного дела. В частности, суды устанавливают, называло ли себя такое лицо в официальных переписках и прочих средствах коммуникации в качестве директора компании, были ли другие лица, поведение которых можно оценить как поведение директора компании, и прочие обстоятельства.¹

Теневые директора - лица, которые осуществляют не прямое (не открытое, тайное) управление компанией путем дачи обязательных для исполнения юридическим директором инструкций и указаний. Основное отличие теневого директора от фактического в том, что теневой директор, в отличие от де-факто директора, не осуществляет самостоятельно действий директора, он лишь руководит ими.² Законодательное определение понятия теневого директора остается неизменным уже на протяжении ста лет. Впервые концепция теневых директоров появилась в английском праве в Акте о Компаниях 1917 года. Появление этой концепции было детерминировано социально-политическими предпосылками необходимости ограничения участия иностранцев в управлении британскими компаниями. В тот период в качестве одного из требований к компаниям была обязательная регистрация списка всех директоров и любых изменений, вносимых в данные списки. В связи с тем, что стало появляться всё больше и больше директоров, информация о которых не была зарегистрирована надлежащим образом, появилась необходимость в выявлении и определении нового правового явления – понятия теневых директоров, в связи с тем, чтобы лица, осуществляющие управление компаниями тайно, не оставались в сфере внеправового регулирования. В результате этого в законодательстве была закреплена дефиниция, определяющая статус теневого директора, в соответствии с которой теневым директором признается лицо, в соответствии с инструкциями и указаниями которого привыкли действовать юридические директора компании. Это определение и на сегодняшний день осталось неизменным и дословно воспроизводится в ст. 251 Акта о Компаниях 2006 года³. Из буквального

¹ The dangers of acting as a de facto or shadow director // Портал «icaew.com» (<https://www.icaew.com/technical/business-resources/the-dangers-of-acting-as-a-de-factor-or-shadow-director>). Просмотрено 02.03.2020.

² Moore, Colin R. «Obligations in the Shade: The Application of Fiduciary Directors' Duties to Shadow Directors.» Legal Studies, vol. 36, no. 2, June 2016, p. 344.

³ Companies Act 2006 // legislation.gov.uk.

толкования данного определения можно сделать вывод, что для установления контроля со стороны теневого директора необходимы такие обстоятельства как направленность этого контроля на участников органов управления и постоянство такой деятельности. В Акте в редакции от 01.10.2007 года также содержалась важная оговорка о том, что лица, которые оказывают компании профессиональную помощь, не могут быть признаны теневыми директорами только на этом основании, а также то, что органы управления материнской компании не будут считаться теневым директором в отношении дочерних компаний только на том основании, что дочерние компании обычно действуют в соответствии с инструкциями и указаниями материнской компании. При этом, в случае, если дочерняя компания осуществляет свою деятельность исключительно во исполнение инструкций и указаний материнской компании, то, безусловно, последняя будет квалифицирована судом в качестве теневого директора.

В 2015 году в соответствии с Актом о малом бизнесе, предпринимательстве и занятости (SBEAA) в статью 251 Акта о Компаниях был внесён ряд дополнений.¹ В частности, Акт расширил категорию лиц, которые не могут быть признаны теневым директором только на том основании, что они а) оказывают компании профессиональную помощь путем дачи советов и консультаций; б) их инструкции, указания, руководства и рекомендации были даны во исполнение полномочий, установленных законодательными актами; в) такие руководства и советы были даны лицом, уполномоченным на это Премьер-министром в соответствии с Актом о Министрах короны 1975 года.

Отдельно стоит сказать, что понятие теневого директора встречается также в Законе О дисквалификации директоров компаний (CDDA) 1986 года² и в Законе О банкротстве (The Insolvency Act) 1986 года³, в частности, в соответствии с первым Актом, теневой директор может быть подвергнутым дисквалификации, а в соответствии со вторым - быть привлечен к ответственности за незаконную или мошенническую торговлю.

¹ Small Business, Enterprise and Employment Act 2015 // legislation.gov.uk.

² Company Directors Disqualification Act 1986 // legislation.gov.uk.

³ Insolvency Act 1986 // legislation.gov.uk.

В отличие от законодательства в прецедентном праве было сформулировано более содержательное понятие теневого директора. Так, судья Millet J в деле *Re Hydrodan (Corby)* (1994) выделил 4 условия для признания лица теньвым директором: 1) наличие де-юре и/или де-факто директора; 2) контроль над деятельностью де-юре и/или де-факто директора со стороны теневого директора; 3) действия директоров определяются инструкциями и указаниями, выдаваемыми теньвым директором; 4) директора в своей практике «привыкли» действовать в соответствии с данными указаниями, то есть делают это уже на протяжении длительного времени.¹

На практике при установлении теневого директора, судам прежде всего необходимо определить степень влияния такого директора на компанию и на действия де-юре и/или де-факто директора. Наиболее значимым в этом направлении анализа было дело *Secretary of State for Trade and Industry v Deverell* 2001 года, в котором судья Morritt J установил, что для признания лица теньвым директором не требуется установление факта контроля в отношении всего объема деятельности компании. Кроме того, де-юре и/или де-факто директор не обязан во всех случаях действовать в соответствии с указанными инструкциями теневого директора, достаточно доказать, что такие де-юре и/или де-факто директора обычно (во многих случаях) действует в соответствии с такими указаниями. Morritt J также указал на недопустимость сравнения теневого директора с кукловодами, поскольку использование таких эпитетов чрезмерно повышает стандарты доказывания установления контроля такого лица.²

¹ *Re Hydrodam (Corby) Ltd* [1994] BCC 161 at 163.

² *Secretary of State for Trade and Industry v Deverell* [2001] Ch 340 para 35.

1.2 Ответственность «теневого директора»

Английские суды однозначно сходятся во мнении, что как на де-юре директоров, так и на де-факто директоров в равной мере распространяются обязанности директора (director's general duties), закрепленные в ст. 171 - 177 Акта о Компаниях 2006.¹ Намного больше противоречивых мнений встречается при анализе обязанностей и ответственности теневого директора. В соответствии с Актом о Компаниях 2006 года, на теневого директора распространяется большинство положений, посвященных де-юре директорам. Например, в Акте в некоторых статьях отдельно закрепляется правовая фикция, в соответствии с которой, при применении той или иной главы, теневой директор считается де-юре директором («a shadow director is treated as a director») (например, ст. 230 Акта: применение к теневым директорам положений о контрактах с директорами на оказание ими услуг по управлению корпорацией; ст. 223 Акта: применение к теневым директорам положений главы, посвященной сделкам с директором, например, о заключении с ними кредитных договоров). На теневых директоров распространяется и большинство обязанностей де-юре директоров компании. В частности, на теневых директоров возлагается ответственность за разглашение коммерческой тайны; на них распространяется обязанность действовать в интересах компании; участники корпорации, в частности, праве предъявлять косвенные иски против таких директоров. Несмотря на то, что в законодательстве Великобритании отсутствует обязанность обязательной регистрации теневых директоров, на них распространяется также ответственность за содержание реестров.

Отдельно отметим, что при принятии Акта о компаниях 2006 года именно вопрос ответственности теневых директоров стоял особенно остро, преимущественно в части распространения на них фидуциарных обязанностей (обязанности лояльности (duty of loyalty) и обязанности разумной заботы (duty of

¹ Aberdeen Railway Co v Blaikie Bros (1854) 1 Macq. 461, Parker v Mckenna (1874) LR 10 Ch App 96, Regal Hastings v Gulliver [1967] 2 AC 134 and Guinness plc v Saunders [1990] 2 AC 663. This has also been established in relation to de facto directors, in eg Ultraframe (UK) Ltd v Fielding [2005] EWHC 1638 (Ch) and Re Canadian Lind Reclaiming & Colonizing Co (1880) 14 Ch D 660 at 670, 673.

care). В первой редакции проекта Акта вопрос об определении ответственности теневого директора оставался целиком на усмотрение суда: так, первоначальная редакция ст. 170 (5), посвященной ответственности директоров, указывала, что положения об обязанностях директоров применяются к теневым директорам в тех случаях, когда это установлено соответствующими нормами общего права и принципами права справедливости.¹ Такой подход был сформирован и в последней на тот момент судебной практике: в частности, в деле *Ultraframe (UK) Ltd v Fielding* 2005 года суд указал, что теневые директора фидуциарно не связаны с компанией и соответственно, большинство обязанностей директоров не применимы к теневым директорам, а также то, что теневой директор несет фидуциарные обязанности только в случае, если такой директор добровольно принял на себя обязанность действовать добросовестно.² Подход был изменен после дела *Vivendi SA v Richards* 2013 года, в котором суд указал, что фидуциарные обязанности распространяется в том числе и на теневых директоров.³ Суд обосновал это решение обязанностью теневого директора проявлять разумность и добросовестность при формулировании выдаваемых им инструкций, тем самым, презюмируя фидуциарные обязанности теневого директора. Более того суд установил, что к привлечению теневых директоров к гражданско-правовой ответственности в случае нарушения ими фидуциарных обязательств сроки давности не применяются.

В результате измененного судебной практикой подхода в 2015 году был издан, уже упоминавшийся выше, Акт о малом бизнесе, предпринимательстве и занятости (SBEEA), уточнивший, в том числе, и ответственность теневых директоров. На основе этого Акта были внесены изменения в ст. 170 (5) Акта о Компаниях 2006, в соответствии с которыми теперь обязанности директоров распространяются на теневых директоров компании в той мере, в какой они могут

¹ Companies Act 2006. § 170 (5): The general duties apply to shadow directors where, and to the extent that, the corresponding common law rules or equitable principles so apply // legislation.gov.uk.

² *Ultraframe (UK) Ltd v Fielding* [2005] EWHC 1638 (Ch). Однако, заметим, что данный подход не раз критиковался, поскольку такое понимание теневого директора явно противоречит тому факту, что ключевой признак теневого директора - не открытое (тайное) осуществление деятельности.

³ *Vivendi SA v Richards* [2013] EWHC 3006 (Ch).

применяться, учитывая особенности правового статуса теневого директора».¹ Такая формулировка указывает, что в большинстве случаев на теневого директора распространяются все обязанности директора. В связи с тем, что большинство этих обязанностей носят фидуциарный характер, можно сделать вывод, что отношения между компанией и теневым директором также носят доверительный характер. Заметим, что такая формулировка была воспринята профессиональным сообществом весьма неоднозначно, прежде всего в связи с опасностью привлечения к ответственности слишком широкого круга лиц. Несмотря на это, соответствующая формулировка английского законодательства указывает лишь на возможность распространения на теневого директора всех обязанностей де-юре директора. Однако, стоит заметить, что эта возможность имеет весьма оценочный характер и, безусловно, напрямую зависит от толкования данной нормы судом.

Таким образом, вопрос о том, является ли лицо теневым директором, это прежде всего вопроса факта, который зависит от обстоятельств каждого конкретного дела и решается непосредственно судом.

¹ Companies Act 2006. § 170 (5): The general duties apply to a shadow director of a company where and to the extent that they are capable of so applying // legislation.gov.uk.

Глава 2 «Теневые директора» в российском корпоративном праве

2.1. Понятие «теневых директоров»

Прежде всего представляется необходимым определить, существует ли в отечественном законодательстве и судебной практике триада директоров, присущая английскому праву: де-юре директора, де-факто директора и «теневые директора».

Очевидно, что законодательство РФ под единоличным исполнительным органом общества (ст. 65.3 ГК РФ¹, ст. 40 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»², ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах»³) понимает официально назначенного директора общества, то есть де-юре директора. Сложнее с де-факто директорами, поскольку данное определение не встречается в законодательстве РФ. Однако, в российской судебной практике существуют дела, в которых де-факто директор, то есть директор, осуществляющий управление обществом, не будучи при этом надлежащим образом назначенным (избранным), признавался фактически директором общества с распространением на него всех положений (и прав, и обязанностей) законодательства, распространяющихся на единоличный исполнительный орган. В частности, в Постановлении АС Восточно-Сибирского округа от 03.02.2015 по делу N А33-2590/2014 суд указал, что тот факт, что лицо незаконно вошло в состав органа управления общества, не может считаться обстоятельством, освобождающим от обязанности действовать в интересах общества добросовестно и разумно.⁴ Таким образом, российский суд, не используя понятие «де-факто директора», признает их наличие и применяет к ним положения, относящиеся к единоличным исполнительным органам.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению статуса теневых директоров, изучение которых и является основной целью настоящей работы.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.

² Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998. N 7. ст. 785.

³ Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. N 1. ст. 1.

⁴ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.02.2015 N Ф02-6688/2014 по делу N А33-2590/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Заметим, что понятие «теневого директор» отсутствует в отечественном законодательстве. Однако оно уже нашло отражение в судебной практике и в доктрине. Так, в решении АС города Москвы от 11 июня 2016 года по делу №А40-56167/2016 под «теневыми директорами» понимаются «лица, формально не подпадающие под признаки контролирующих, но фактически принимающие решения по вопросам хозяйственной деятельности организации».¹ А в одном из учебных пособий по корпоративному праву указывается, что под теневым директором понимаются «юридические и физические лица, обладающие фактической возможностью определять действия юридического лица, хотя они не являются единоличным исполнительным органом или членами коллегиальных органов управления юридического лица, не имеют в непосредственном владении его акции (доли участия).»² На практике наиболее яркий пример таких лиц - это лица, осуществляющие управление дочерними компаниями через «промежуточные компании», то есть через участников или членов органа управления дочернего общества. Выбор такой модели очевиден - желание избежать ответственности, поскольку в случае с управлением посредством косвенного контроля, именно "промежуточная компания" будет подлежать ответственности за действия подконтрольного лица.

В связи с отсутствием в российском корпоративном праве института теневых директоров, представляется необходимым определить, существует ли аналог данного института в отечественном законодательстве. В уже упомянутом выше деле АС города Москвы лицо, определенное в качестве «теневого директора», подлежало ответственности на основании п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, в которой речь идет об ответственности фактически контролирующего лица. Действительно, представляется, что именно этот институт в российском корпоративном праве является наиболее близким аналогом «теневого директора» в англосаксонском праве.³ Далее подробно рассмотрим статус такого фактически контролирующего

¹ Решение АС города Москвы от 11 июня 2016 года по делу №А40-56167/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Корпоративное право: Учебник. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2019. С. 475.

³ К данному выводу пришел, в частности, и Д.Г.Копылов. См.: Копылов Д.Г. Де-юре, де-факто и теневые директора в законодательстве и судебной практике Великобритании и России // Закон. 2019. N 4.

лица и его соотношение с понятием «теневого директор», принятое в Акте о Компаниях 2006 года.

В российском корпоративном праве отсутствует легальное определение фактически контролирующего лица. Помимо ГК РФ, оно отсутствует также и на уровне специального законодательства, в частности, в ФЗ «Об акционерных обществах» и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», единственное упоминание «контролирующего лица» встречается в ст. 81 и ст. 45 соответственно, однако оно не подходит для тех целей ответственности, которые установлены в ст. 53.1 ГК РФ. Попробуем вывести определение фактически контролирующего лица из п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, посвященной вопросам ответственности такого лица. Так, можно определить, что фактически контролирующее лицо - это лицо, которое имеет фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, являющимся членами органов управления. Фактический характер такой деятельности указывает на то, что такая деятельность не имеет под собой формально-юридического основания, например, в случае, если дача обязательных указаний предусмотрена в Уставе общества, то лица, дающие такие указания, не будут квалифицированы в качестве фактически контролирующих лиц.

Следующим шагом необходимо определить, что, помимо выдачи указаний, будет свидетельствовать о фактической возможности определять действия юридического лица. В соответствии с Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 ноября 2016 г. по делу N А40-199627/2015 под возможностью определять решения лица подразумевается отсутствие у контролируемого лица автономии воли.¹ Какие же механизмы могут использовать фактически контролирующие лица? Пути весьма разнообразны: это и участие в переговорах с контрагентами, и участие в согласовании кандидатур на руководящие должности, и дача обязательных указаний, (например, директив на голосование), и путем использования личных связей (например, родственников), путем осуществления управления через номинальные компании и другие.

¹ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. N 7.

Весьма важным представляется вопрос о характере таких действий. Из п. 3 ст. 53.1 ГК РФ не вытекает суждения о том, что фактически контролирующее лицо осуществляет свою деятельность исключительно тайно. Каким образом такое лицо, например, дает указание подконтрольному лицу: тайно при личном разговоре с членом семьи, который является членом органа управления такого подконтрольного общества, или же, рассылая этот указ на корпоративную почту такого подконтрольного общества, делая такие указания доступными всем участникам? Очевидно, что согласно английскому правопорядку, в первом случае лицо будет признано теневым директором, а во втором - де-факто директором. В российском же правопорядке представляется, что лицо и в первом, и во втором случае будет квалифицироваться на основании п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, то есть в качестве фактически контролирующего лица. Кроме того, как уже указывалось в предыдущей главе, в ст. 251 Акта о Компаниях 2006 года указывается, что теневой директор - это лицо, в соответствии с инструкциями и указаниями которого привыкли действовать юридические директора компании. В то время как в российском праве в п. 3 п. 53.1 содержится открытый перечень форм влияния, и дача указаний органам юридического лица является лишь одной из них. Таким образом, в российском корпоративном праве понятие фактически контролирующего лица шире понятия «теневой директор» в англосаксонском праве. При этом отечественное законодательство, в отличие от английского права, содержит еще более скромное количество положений, регулирующих статус фактически контролирующего лица. В настоящий момент оно ограничивается единственной статьей ГК РФ. В целях более определенного и детального рассмотрения данного института был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и в федеральные законы (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)»¹, в соответствии с которым в законодательство РФ предлагалось ввести понятие лица, контролирующего

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

юридическое лицо. Необходимость изменения объяснялось преимущественно недостатком концепции «основное-дочернее общество». Однако данный Законопроект в настоящий момент не принят, в частности, он был подвергнут критике в Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Министерством экономического развития Российской Федерации. Так, в своем экспертном заключении Совет указал, что «предлагаемая концепция «контролирующее лицо – подконтрольное лицо» фактически не содержит каких-либо новых элементов правового регулирования по сравнению с теми, что содержатся в пункте 3 статьи 53.1 ГК РФ. Данная концепция «фактического контролирующего лица» (как она названа в пояснительной записке) закрывает все те недостатки, которые авторы Проекта обозначили в отношении концепции «основное – дочернее общество. Включение в пункт 1 статьи 53.4 ссылки на пункт 3 статьи 53.1 ГК РФ является дополнительным подтверждением внутренней нелогичности текста Проекта, так как для описания термина «контролирующее лицо» ссылка дается на понятие «фактического контролирующего лица» из уже существующей статьи ГК РФ, о чем упомянуто выше»¹. Данная позиция представляется весьма разумной, однако дополнительное регулирование статуса фактически контролирующего лица в любом случае необходимо.

В заключение рассмотрения института фактически контролирующих лиц, стоит отдельно отметить, что сам по себе фактический контроль не несет в себе презумпцию противоправности. Так, материнская компания по отношению к дочерней также часто является фактически контролирующим лицом, и при этом существование основного и дочернего обществ допускается законодателем. Именно поэтому основной задачей как законодателя, так и правоприменителя, является определить ту грань, когда такой неформализованный фактический контроль выходит из сферы правомерности и лицо, осуществляющее такой

¹ Экспертное заключение по проекту федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)». Принято на заседании Совета 28 мая 2018 г. N 177-3.1/2018. // http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/06/3.-1.-Заключение-по-контролирующему-и-подконтрольному-лицу_ГК.pdf. (Просмотрено 14.03.2020)

фактический контроль, будет подлежать юридической ответственности. Во исполнение этой задачи видится прежде всего необходимость более полного регулирования фактически контролирующих лиц в корпоративном праве, которое не будет ограничиваться единственной статьей 53.1 ГК РФ. Кроме того, отдельным дискуссионным вопросом представляется вопрос наделения таких лиц не только обязанностями и ответственностью за неисполнение этих обязанностей, но и определенными правами. Как решает данный вопрос судебная практика? Стоит сказать, что она весьма непоследовательна. Так, если в известном деле Аспект-Финанса 2014 года суд признал за бенефициаром, то есть лицом, владеющим акциями общества через «цепочку компаний», право признать недействительным решение общего собрания акционеров¹ (дополнительно в деле № А40-95372/2014² были удовлетворены требования этого же истца о признании сделок недействительными), то в деле ООО «Разрез Аршановский» 2018 года (дело А74-3619/2018) суд отказал бенефициару в праве на взыскание убытков, причиненных обществу членами органа управления, указав, что бенефициары не являются участниками общества и соответственно не могут обращаться в суд с таким исковым заявлением.

Видится необходимым также указать на то, что при анализе статуса фактически контролирующего лица, важно отграничить это понятие от контролирующего должника лица, содержащегося в банкротном законодательстве. Данное понятие было введено в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ в 2009 году³. Так, в соответствии с п.1 ст. 61.10 этого Закона, под контролирующим должника лицом (далее - КДЛ) понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании

¹ Определение Верховного Суда РФ от 31.03.2016 по делу N 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.04.2017 № Ф05-14808/14 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. N 43. ст. 4190.

должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Закон также выделяет способы, как может достигаться возможность определять действия должника, при этом сам перечень остается открытым. Так, закон выделяет такие обстоятельства как 1) нахождение с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения; 2) наличие полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии; 3) в силу должностного положения; 4) иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом. Дополнительно в Письме ФНС от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» указывается, что суд может признать лицо КДЛ по любым иным доказанным основаниям (пункт 5 статьи 61.10), которые прямо в законе не указаны. Этими основаниями могут служить, например, любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями, например, совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п.¹ Дополнительно, Закон о банкротстве в части признания лица КДЛ установил опровержимую презумпцию, определив круг лиц, которые презюмируется КДЛ, пока не будет доказано иное. Таким образом, можно сделать вывод, что круг лиц, который может считать КДЛ, трактуется в законодательстве весьма широко, а самое главное - более определенно, нежели фактически контролирующее лицо. При этом, представляется самым важным отличием контролирующего должника лица от фактически

¹ Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

контролирующего лица в соответствии с буквальным толкованием ст. 61.10 является то, что для контролирующего должника лица не имеет значение, наличие или отсутствие формальной юридической связи между контролирующим лицом и подконтрольным, в то время как фактически контролирующее лицо в корпоративном праве всегда действует в отсутствие такой формально-юридической связи.¹ При этом важно обратить внимание, что данные понятие нередко рассматриваются в совокупности. Так, например, в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» указывается, что по общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия, при этом, в Постановлении делается отсылка к п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Таким образом, из буквального толкования данного пункта можно сделать вывод, что лицо, признанное на основании п.3 ст. 53.1 ГК РФ фактически контролирующим лицом, также по общему правилу презюмируется в качестве контролирующего должника лица, конечно, при условии трехлетнего срока, установленного в п. 1 ст. 61.10.

Одновременно с этим, в п. 6 отмечается, что контролирующим должника лицом признается, в том числе, и номинальный руководитель, то есть лицо, которое осуществляет деятельность во исполнение указаний контролирующего лица. Из этого следует, что и номинальный, и фактический руководитель будут нести субсидиарную ответственность. Данный подход отражен, в частности, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.12.2014 №Ф05-8028/2014 по делу №А40-12784/2012, в котором суд указал, что тот факт, что директор был номинальный, не освобождает его от ответственности, в том числе, от обязанности «принимать все меры для надлежащего исполнения добровольно взятых на себя функций генерального директора.»² Данный подход представляется

¹ Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: Saveliev. Batanov & Partners. 2018 г. С. 90.

² Там же. С. 14.

разумным, в том числе, и в рамках корпоративного права при определении ответственности номинального руководителя общества, действовавшего под контролем фактически контролирующего лица.

Таким образом, подводя итог анализу статуса «теневого директора» в российском корпоративном праве, можно сделать вывод, что наиболее близким его аналогом является институт фактически контролирующего лица, закреплённый в п.3 ст. 53.1 ГК РФ. При этом не следует путать данный институт и институт контролирующего должника лица, установленный в банкротном законодательстве.

2.2. Ответственность «теневых директоров» в российском корпоративном праве

Установив, что аналогом «теневому директору» в российском корпоративном праве выступает фактически контролирующее лицо, рассмотрим, как в отечественном законодательстве и судебной практике регулируются вопросы ответственности таких лиц.

Установление правовых последствий для ответственных лиц - гарантия стабильности гражданского оборота и, конечно же, защиты третьих лиц. Представляется весьма несправедливым, когда лицу, действующему тайно, удастся избежать ответственности. В целях недопущения такого поведения в 2014 году в ГК РФ и был внесен п. 3 ст. 53.1, в соответствии с которым лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, являющимся членами органов управления, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. П. 4 указанной статьи указывает также на то, что в случае совместного причинения убытков юридическому лицу фактически контролирующее лицо обязано возместить убытки солидарно. Требовать возмещения убытков с фактически контролирующих лиц вправе само юридическое лицо, его учредители (участники) и члены коллегиального органа управления. Таким образом, можно сделать важнейший вывод: российское корпоративное законодательство распространило на фактически контролирующих лиц фидуциарные обязанности (обязанности действовать разумно и добросовестно¹). Содержание этих обязанностей раскрывается в п. 2 и 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О

¹ Обязанность действовать разумно и добросовестно пришла из англосаксонского правопорядка, в котором данные фидуциарные обязанности именуется как *duty of care* (обязанность проявлять разумную заботливость) и *duty of loyalty* (обязанность проявлять лояльность). Наделение фидуциария такими обязанностями формирует высокий стандарт поведения, обязывающий лицо, осуществляющего управление корпорации, действовать непосредственно в интересах самой корпорации. Введение таких обязанностей является одним из способов разрешения принципал-агентской проблемы, поскольку сам факт наступления ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей является дополнительным стимулом для менеджеров осуществлять свою деятельность не в своих собственных интересах, а в интересах компании. Российский правопорядок также признал за органами юридического лиц такие обязанности: действовать добросовестно и разумно. В соответствии с п.3 ст. 53.1 ГК РФ они распространяются также и на фактически контролирующих лиц.

некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

Помимо возмещения убытков, фактически контролирующие лица также несут ответственность перед кредиторами общества. Так, в соответствии с п. 3 ст. 60 ГК РФ, согласно которой, если кредитору реорганизуемого юридического лица, потребовавшему досрочного исполнения обязательства или прекращения обязательства и возмещения убытков, такое исполнение не предоставлено, убытки не возмещены и не предложено достаточное обеспечение исполнения обязательства, солидарную ответственность перед кредитором наряду с юридическими лицами, созданными в результате реорганизации, несут лица, имеющие фактическую возможность определять действия реорганизованных юридических лиц, если они своими действиями (бездействием) способствовали наступлению указанных последствий для кредитора, а при реорганизации в форме выделения солидарную ответственность перед кредитором наряду с указанными лицами несет также реорганизованное юридическое лицо.

В целом можно сделать вывод, что цель российского корпоративного права - приравнять правовое положение фактически контролирующих лиц к положению директоров, избранных надлежащим образом.

Для привлечения фактически контролирующих лиц к ответственности российским судам, равно как и английским судам, безусловно, необходимо исходить из обстоятельств каждого конкретного дела. Если рассматривать дела о возмещении убытков, то помимо стандартных элементов доказывания, которые будут рассмотрены ниже, при привлечении фактически контролирующих лиц к ответственности суду необходимо установить следующие факты:

1. Наличие фактического контроля и определение степени такого контроля;
2. Нарушение фактически контролирующим лицом фидуциарных обязанностей, которые уже были рассмотрены выше.

Один из наиболее сложных и важных вопросов - это установление наличие контроля фактически контролирующего лица воли юридического лица и определение степени такого контроля. Представляется, что в этой части суду

необходимо будет доказать такие обстоятельство как: а) отсутствие самостоятельной воли у подконтрольного лица. При этом заметим, что факт отсутствия автономии воли у подконтрольного лица, не освобождает такое лицо от ответственности. В частности, в деле ООО «РН-Аэро» АС Московского округа суд привлек подконтрольное лицо - директора дочернего общества к ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей;¹ б) зависимость между фактически контролирующим лицом и подконтрольным лицом. В частности, именно поэтому указания фактического контролирующего лица необходимо отграничить от консультаций, советов и рекомендаций. Данный подход представляется вполне разумным, поскольку рекомендательные акты не устраняют автономию воли лица, который на основе этих рекомендаций принимает решение; другая ситуация складывается с указаниями, которые по своей природе имеют императивный характер и, в свою очередь, полностью устраняют возможность лица, принимающего решение, действовать самостоятельно. Данный подход отражен, в том числе, и в Акте о Компаниях 2006 года, в котором, как уже было рассмотрено выше, к теневым директорам не относятся лица, дававшие советы на профессиональной основе.

При анализе привлечения к ответственности фактически контролирующих лиц, дополнительно встает вопрос о судебных доказательствах, свидетельствующих о наличии возможности фактического контроля. Представляется, что в связи с тем, что фактически контролирующие лица стремятся прежде всего к тайному осуществлению своей деятельностью, получение прямых доказательств становится весьма проблематичным и в данном случае суды должны принимать во внимание любые обстоятельства, которые могут прямо или косвенно свидетельствовать о наличии фактического контроля. Данный подход отмечался, в том числе, в судебной практике, правда в рамках установления неформальной аффилированности в деле о банкротстве, что, однако, представляется, также должно быть воспринято судами и при рассмотрении дел по вопросу ответственности фактически контролирующих лиц. В частности, суд указал, что

¹ Постановление АС Московского округа от 8.02.2018 г. по делу N А40-13997/17 // СПС «КонсультантПлюс».

«учитывая объективную сложность получения прямых доказательств неформальной аффилированности, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств», а также то, что «о наличии их подконтрольности единому центру, в частности, могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу и т.д.»¹ Отдельно стоит отметить, что одним из весомых элементов доказывания в делах фактически контролирующих лиц, выступают преюдициальные факты, установленные в рамках уголовного процесса.²

Проблематичность установления фактического контроля определяется, в том числе, и открытым перечнем оснований признания лица фактически контролирующим, однако, стоит признать, что составление закрытого перечня было бы весьма проблематично в связи с постоянным совершенствованием таких форм со стороны участников оборота.

Помимо установления наличия фактического контроля, сложность дел о привлечении таких лиц к ответственности в виде взыскания убытков, обосновывается также и тем, что в подобных делах требуется доказывать совокупность целого ряда обстоятельств: противоправность действий, наличие вины, наличие убытков, причинно-следственную связь между деяниями и возникшими убытками. Дополнительно, необходимо доказать недобросовестность и неразумность такого фактически контролирующего лица, при этом учитывая обычные условия гражданского оборота и обычный предпринимательский риск

¹ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.02. 2019 г. N 305-ЭС18-17629 // СПС «КонсультантПлюс».

² Например, в уголовном деле в отношении бывшего заместителя главы Екатеринбурга В.В.Контеева. См.: Приговор Курганского областного суда от 10.06.2014 по делу №2-01/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

(business judgment rule), то есть тот риск, на который пошёл бы среднестатистический менеджер в подобной ситуации¹.

Обратимся к судебной практике по применению п. 3 ст. 53. 1 ГК РФ. Например, в решении АС города Москвы, от 11 июля 2016 г. по делу № А40-56167/2016, которое уже упоминалось выше, о взыскании с Ответчика убытков в виде реального ущерба в размере 3 660 346 000 руб., суд установил неограниченный контроль Ответчика над юридическим лицом на основании следующих фактов: дача в качестве основного совладельца и руководителя интервью газете «Ведомости», информационному portalу «Banki.ru», журналу «Финмаркет» о деятельности, проблемах и планах Банка на ближайшую перспективу; наличие рабочего кабинета в Банке, участие в переговорах от имени Банка и позиционирование себя как бенефициара; сложившаяся практика, в соответствии с которой для подписания любых договоров достаточно было устного решения Ответчика. В настоящем деле суд также определил Ответчика в качестве «теневого директора». Причем заметим, что Ответчик осуществлял свою деятельность не тайно, что больше роднит его не с «теневым директором», а с де-факто директором в рамках англосаксонского права.

Дополнительно стоит обратить внимание на недостатки регулирования ответственности фактически контролирующих лиц. Так, представляется, что по сравнению с англосаксонским правом, в российском праве перечень способов защиты права в делах, связанных с привлечением фактически контролирующего лица к ответственности, намного уже и ограничивается взысканием убытков. В свою очередь в Великобритании, например, при нарушении фидуциарных обязанностей помимо взыскания убытков, могут быть применены такие средства защиты как возвращение имущества в собственность компании, взыскание с директора незаконно полученной им прибыли, признание недействительным договора.²

¹ Мифтахутдинов Р.Т. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях // Закон. 2018. №6. С.10.

² Companies Act 2006 Explanatory Note § 322 // legislation.gov.uk.

Рассматривая ответственность фактически контролирующего лица, отдельно представляется необходимым ответить также на следующий вопрос: возможно ли рассматривать основания признания лица КДЛ в качестве оснований признания лица фактически контролирующим лицом по ст. 53. 1 ГК РФ? Данный вопрос уже рассматривался на доктринальном уровне, в частности Шиткиной Ириной Сергеевной.¹ Отвечая на этот вопрос, прежде всего необходимо учитывать тот факт, что каждая отрасль права обладает своей спецификой и несмотря на то, что междисциплинарность и межотраслевое регулирование начинает выходить на первый план, невозможно полностью заимствовать положения из одной отрасли права в другую. В частности, если речь идет о банкротном и корпоративном праве, то необходимо понимать, что в банкротном праве помимо частных интересов, присутствуют также и публичные интересы. Наличие публичного элемента очевидно ведет к понижению стандартов доказывания.² Возможно ли такое понижение в корпоративном праве? Представляется, что нет.

Таким образом, подводя итог анализу ответственности фактически контролирующего лица, можно сделать вывод, что цель российского корпоративного права - приравнять правовое положение такого лица к директору, избранному надлежащим образом. В этих целях законодатель распространил на фактически контролирующее лицо фидуциарные обязанности де-юре директора: а именно обязанности действовать добросовестно и разумно. Данный подход представляется весьма разумным, учитывая интересы справедливости гражданского оборота. При этом практика привлечения таких лиц к ответственности на данный момент не до конца сформирована, многие дела рассматриваются в рамках дел о банкротстве или же с применением положений ФЗ «О банкротстве» и практики банкротных дел. Однако, как уже было отмечено выше, такой подход неприемлем. При этом, как отмечает Шиткина Ирина Сергеевна, «с учетом того, что в корпоративной практике нет сложившихся подходов к пониманию фактического контроля, в корпоративных спорах будут

¹ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. N 7.

² Будылин С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. N 11.

использоваться релевантные правовые позиции, разработанные для банкротных процедур». Таким образом, в настоящий момент основная задача правоприменителя сводится к применению именно релевантных правовых позиций банкротного права, а также формирование собственного подхода к пониманию фактического контроля именно в корпоративном праве для того, чтобы в дальнейшем отойти от субсидиарного применения позиций, выработанных в рамках дел о банкротстве.

Заключение

Цель настоящей работы - исследование понятия «теневого директор» в российском корпоративном праве, а также рассмотрение вопросов ответственности таких лиц. Данное понятие, первоначально появившееся в английском праве в начале XX века, до сих пор используется для привлечения к ответственности лиц, находящихся в «тени». Несмотря на то, что такие лица находятся в «тени» по самым разным причинам, обусловленным как противоправными целями, так и в отсутствие намерения причинить вред юридическому лицу или третьим лицам, сам факт такого теневого контроля не является незаконным. Незаконным он становится тогда, когда такие теневые директора своими действиями приводят к различным неблагоприятным последствиям, например, к убыткам самой компании, к ее банкротству и прочему. В таких случаях, безусловно, теневой директор не должен быть освобождён от ответственности. В российском праве, несмотря на отсутствие самого понятия «теневого директор», механизм привлечения лиц, стоящих в «тени», весьма схож с англосаксонской моделью.

В настоящем исследовании мы пришли к выводу, что аналогом теневых директоров в российском корпоративном праве является институт фактически контролирующего лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). В настоящий момент положений, регулирующих статус таких лиц, в российском праве крайне мало, что порождает неопределенность при признании лица фактически контролирующим. В частности, прослеживаются тенденции субсидиарного применения к данному институту норм банкротного права, регулирующих статус контролирующего должника лица, что обосновывается тем, что институт контролирующего должника лица появился в отечественном законодательстве в 2009 году и успел накопить богатую судебную практику. Однако, представляется, что в виду специфики указанных отраслей, эти два института не следует смешивать.

Также представляется весьма важным то, что помимо обязанности и ответственности такого лица, необходимо наделение фактически

контролирующего лиц, в том числе, и правами, поскольку, как уже отмечалось выше, сам факт такого теневого контроля не является незаконным.

В любом случае, очевидно, что институт фактически контролирующего лица требует дополнительного регулирования, в том числе, и в специальных законах. Представляется, что без такого регулирования, неопределенность вокруг данного института на доктринальном уровне и в судебной практике будет только расти.

Библиография

Работа подготовлена с использованием системы КонсультантПлюс

I. Правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
2. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. N 1. ст. 1.
5. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998. N 7. ст. 785.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. N 43. ст. 4190.
7. Экспертное заключение по проекту федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)». Принято на заседании Совета 28 мая 2018 г. N 177-3.1/2018. //

[http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/06/3.-1.-Заклучение-по-контролирующему-и-подконтрольному-лицу_ГК.pdf](http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/06/3.-1.-Заключение-по-контролирующему-и-подконтрольному-лицу_ГК.pdf).

8. Companies Act 2006 // legislation.gov.uk.
9. Company Directors Disqualification Act 1986 // legislation.gov.uk.
10. Insolvency Act 1986 // legislation.gov.uk.
11. Small Business, Enterprise and Employment Act 2015 // legislation.gov.uk.

II. Материалы судебной практики

1. Определение Верховного Суда РФ от 31.03.2016 по делу N 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.02. 2019 г. N 305-ЭС18-17629 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.02.2015 N Ф02-6688/2014 по делу N А33-2590/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8.02.2018 г. по делу N А40-13997/17 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.04.2017 № Ф05-14808/14 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Девятого ААС от 07.11.2016 по делу N А440-199627/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
7. Приговор Курганского областного суда от 10.06.2014 по делу №2-01/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11 июня 2016 года по делу №А40-56167/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Aberdeen Railway Co v Blaikie Bros. 1854.
10. Guinness plc v Saunders.1990.
11. Parker v Mckenna. 1874.
12. Re Canadian Lind Reclaiming & Colonizing Co. 1880.
13. Regal Hastings v Gulliver. 1967.

14. Re Hydrodam (Corby) Ltd. 1994.
15. Secretary of State for Trade and Industry v Deverell. 2001.
16. Ultraframe (UK) Ltd v Fielding. 2005.
17. Vivendi SA v Richards. 2013.

III. Научная литература

1. Богданов Д.Е., Полухина Ю.М. Ответственность лиц, уполномоченных выступать от имени корпорации: вопросы теории и практики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. N 4.
2. Будылин С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. N 11.
3. Заварзина Н. «Теневой директор»: судебная практика // Трудовое право. 2016. N 11.
4. Копылов Д.Г. Де-юре, де-факто и теневые директора в законодательстве и судебной практике Великобритании и России // Закон. 2019. N 4.
5. Корпоративное право: Учебник. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2019. С. 475.
6. Лиханов А.С., Согбатьян А.Г. Ответственность теневого директора за причиненные корпорации убытки // Закон. 2017. N 3
7. Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: Saveliev. Batanov & Partners. 2018 г.
8. Мифтахутдинов Р.Т. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях // Закон. 2018. №6.
9. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ. 2019
10. Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. N 7.
11. Anabtawi I. Shadow Directors // UCLA Law Review Discourse. 2014.

12. Hague, Caroline M. Directors: De Jure, De Facto, or Shadow // Hong Kong Law Journal. 1998. vol. 28. N 3.
13. Hobson, Michael D. The Law of Shadow Directorships // Bond Law Review. 1998. vol. 10. N 2.
14. Moore, Colin R. Obligations in the Shade: The Application of Fiduciary Directors' Duties to Shadow Directors // Legal Studies. 2016. vol. 36. N 2.

IV. Электронные ресурсы

1. The dangers of acting as a de facto or shadow director // Портал «icaew.com» (<https://www.icaew.com/technical/business-resources/the-dangers-of-acting-as-a-de-factor-or-shadow-director>). Просмотрено 02.03.2020.